

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2004
Рассказ написан на конкурс «ЦарКон-2004» (06.05.2004)

Человек и командир

...Дождь. Он лил сплошной стеной, превращая землю в месиво вымытых корней, опавшей листвы и гнили. Пришлось спешиться. Ноги тут же промокли, но удивляться нечему — сапоги годились в лучшем случае на заплату...

Валлмар успокаивающе взъерошил гриву верного вороного. В отличие от жеребца, ему не впервой было пробираться через топи. Более не отягощенный весом всадника, конь погружался в грязь ненамного глубже человека. Валлмар обернулся и увидел, что отставшее животное беспомощно пытается переступить через ветвь утонувшего в трясине поваленного дерева. Похоже, и эту лошадь придется убить или бросить...

Вороной все-таки сумел перебраться через поваленное дерево, всхрапнул, погрузившись в черную жижу почти по грудь, и кое-как утвердился на четырех ногах, с упреком глядя хозяину в глаза, как будто вопрошая: «Зачем завел меня сюда?»

— Идем, — пробурчал Валлмар, стараясь не смотреть на измученного жеребца. Сам он выглядел ненамного лучше, но, в отличие от коня, хотя бы знал, за что и почему утопает в грязи.

На твердую землю они выбрались не скоро, к тому времени Валлмар уже успел помянуть поименно всех демонов Юга и потерять один ботинок.

У опушки леса он увидел двух всадников, облаченных в алые плащи Восточного Лирина. Увидев Валлмара, они переглянулись и обнажили мечи.

— Какого дьявола?! — крикнул он, пришпорив вороного. — Я Валлмар Претор!

— Милорд! — испуганно воскликнул рыцарь и стащил с головы шлем с обвисшим мокрым плюмажем. — Мы уже не ожидали вас увидеть! Думали, вы погибли.

— Мне не впервой обманывать ожидания, — хмыкнул Валлмар. Лиринцы запоздало убрали мечи. — Вы забыли представиться, скартебель.

— Флавий Ольн, кавалерия Его Величества, — молодой зеленоглазый рыцарь ударил кулаком о грудь.

— Фалькор Хёльд, — прогудел его товарищ, не снимая шлема, его рука все еще покоилась на эфесе меча.

Валлмар облегченно вздохнул — оба рыцаря были ему знакомы. Правда, с молодым Флавием он раньше не встречался, но его имя часто звучало в докладах. Фалькор поднял забрало, сверкнув черными глазами.

— Где вы пропадали... милорд? — спросил он. — Мы искали вас повсюду.

— Пробирался через болота, — ответил Валлмар, пошевелив пальцами босой ноги, — никогда не знаешь, кто снарядит на твои поиски больше всадников — друг или враг. По дороге сюда я видел несколько гольенских отрядов. Кто принял командование в мое отсутствие?

— Эгде Бёрг, милорд.

— Эгде? Что ж, отлично. Проводите меня в лагерь.

— В таком виде, милорд? — взгляд Флавия не отрывался от босой ноги своего командира.

Валлмар криво усмехнулся.

— Вы клялись пожертвовать ради своего командира жизнью, а не обувью. — Он устало махнул рукой. — В лагерь. Моим подчиненным не в новинку созерцать меня в жалком виде.

— Да, милорд.

При виде Валлмара коннетабль Эгде вздрогнул и побледнел, как будто перед ним предстал покойный император Левтон Эквенди собственной персоной.

— Я думал, вы погибли! — выдохнул он.

— Слухи, как всегда, преувеличены, — криво улыбнулся Валлмар. — Неужели никто больше не верит в мою счастливую звезду?

— Ваша счастливая звезда закатилась под Корросом. — Сухо отметил коннетабль.

— Бросьте, Эгде, — отмахнулся Валлмар, наливая себе вина. — Мы проиграли битву, но отнюдь не войну. Вы грамотно провели отступление, отдаю вам должное, но в обороне вы ничего не смыслите. Какого лешего вы растянули наше войско? Как будто пытаетесь прикрыть все крепости разом!

Он залпом осушил бокал вина и окинул центурия холодным взглядом.

— Мы должны удерживать позиции... — начал оправдываться тот.

— Ни черта мы не удержим, если будем сидеть по фортам, будто крысы, — прервал Валлмар. — Гольены не планируют разбить нашу армию или взять все замки у границы, они планируют проложить себе путь напрямиком к столице. Им нужен не захват территории, им нужна победа — наглая, стремительная, успешная. О чем вы, черт подери, думаете?

Лучше скажите, где вы пропадали шесть суток?! — вспыхнул Эгде Бёрг. — Я отправил полторы сотни всадников на ваши поиски, вернее, на поиски вашего тела. Четыре человека видели, как вас растоптала лошадь, еще пятеро клянутся, что вы попали в плен. И вот, вы появляетесь неизвестно откуда, приходите ко мне и требуете дать вам полный отчет о происходящем, как будто все это время сидели у себя в палатке и с горя напивались, оплакивая поражение...

— Неплохая идея... — хмыкнул Валлмар, придвигая к себе бутылку. — Поражение я и вправду ещё не отметил!

— Валлмар, — резко сказал Бёрг, поднимаясь из-за стола. — Вы понимаете, что я обязан отстранить вас от командования? По всем правилам я обязан отдать вас под трибунал. По обвинению в сотрудничестве с врагом.

— Проклятье, Эгде! Я шесть суток пробирался к вам в обход по болотам, утопая в грязи, шесть дней ел лягушек! Имейте сострадание, дайте хотя бы напиток!

— Претор, я серьезно. Есть свидетели, которые утверждают, будто вас взяли в плен. Откуда мне знать, что вы не продались Тхургольну?

— Да? — Валлмар равнодушно почесал кончик носа. — Но мы оба знаем, что ты этого не сделаешь, Эгде.

— Это еще почему? — грозно нахмурился коннетабль. — Вы надо мной власти не имеете, я подчиняюсь только Императору.

— Потому что только я могу исправить положение и выиграть войну, — ухмыльнулся генерал. — Без меня — вы пропали.

Эгде Бёрг устало потер глаза, глубоко вздохнул и обессилено опустился на табуретку, положив руки на заваленный картами стол.

— Когда вы планируете принять командование, генерал? — осведомился он.

— Как только побреюсь, поем и достану себе новые ботинки.

Алые с черным знамена Восточного Лирина трепетали на ветру. Облокотившись плечом о флагшток, Валлмар угрюмо созерцал свое воинство. Рыцари в сверкающих, начищенных до блеска латах. Пехота, грязная после долгого перехода, с завистью поглядывающая на всадников. Стрелки, расположившиеся у опушки леса...

Он не строил иллюзий. До погрома под Корросом армия Алого Замка насчитывала десять тысяч человек — сейчас от нее осталось в лучшем случае пять. Тяжелый удар для Восточной Лиринской Империи!

Сам Валлмар то сражение помнил смутно: выбитый из седла первой же атакой противника, он кое-как выбрался из гущи боя, но повлиять на ход сражения уже никак не мог. Лишившись командующего, войска Алого Замка дрогнули и побежали, подгоняемые гольенами.

— ...Полное безумие! Нападать, когда враг имеет трехкратное превосходство! — жужжал под ухом Герман.

На него это находило перед битвой — жаловаться и твердить о неизбежном поражении и гибели.

— Двукратное, — равнодушно поправил Валлмар, пожевывая кончик длинного плюмажа.

— С вами невозможно спорить! — всплеснул руками худощавый старик.

— Еще бы, — хмыкнул Валлмар. — Спорить можно с тем, кто желает этого... Меньше всего сейчас мне хочется спорить с тобой, Герман.

— Проклятье! Претор...

— Приберегите проклятия для гольенов. Они скоро вам понадобятся.

Старый вояка забурчал, говоря что-то о фатальном неравенстве сил и жестокости случая, по которому они покинули Коррос. Валлмар усмехнулся и дружески хлопнул старика по плечу.

— Герман. Я терплю ваше нытье только потому, что у вас замечательная семья, которая присылает вам письма каждую неделю. Это единственное ваше достижение, которое мне никогда не превзойти. Не завидуй я так вашему счастью — вы завтра же оказались бы в запасе.

— Валлмар, я уважаю вас как человека и как полководца. Но здесь вам не победить, — упрямо заявил рыцарь.

— Наш единственный козырь — неожиданность. Я собираюсь его использовать.

— Вы собираетесь нас всех погубить! — вскричал Герман.

— Возможно, — кивнул Валлмар. — Но если я не соберусь это сделать... вы погубитесь сами по себе.

Снова заморосил дождь. Валлмар, чертыхаясь, закутался в длинный плащ, проклиная всех демонов Шадогаара разом и по отдельности. Осенью ветер часто приносил с Юга дожди...

Когда Валлмар уже покачивался в седле, фальшиво напевая вульгарную походную песню, дождь наконец-то прекратился. Небо прояснилось, а из дозора вернулся Клавдий, бодро приветствуя старого боевого товарища.

— Когда пошёл слух, будто тебя растоптали лошади, я один не поверил в эту глупость, — сказал он, протягивая Валлмару флягу с водой.

— Значит, ты поверил, что я продался врагам? — хмыкнул генерал.

— Скорее небо поменяется местами с землей, чем Валлмар Претор продастся Тхургольну, — хохотнул Клавдий. — А точнее, Гаруш, нойонгольн Тхургольна, пожелает купить себе Валлмара Претора.

Валлмар только улыбнулся и пожал плечами. Клавдий нахмурился, настороженно глядя на друга, потом вдруг рассмеялся и ткнул его локтем в бок, едва не свалившись при этом с лошади.

— Э, да с тобой, видать, Герман уже пообщаться успел, — догадался Клавдий, — то-то ходишь грустный, как смерть на свадьбе. Старикан кого хочешь в тоску вгонит...

— Герман здесь ни причем, — сказал Валлмар, отпивая из фляги. — Просто я, кажется, нашел разгадку нашей маленькой загадки.

— Как победить Тхургольн? — догадался Клавдий. — Демоны Юга, Претор, не то, чтобы я в тебе когда-нибудь сомневался... но это же замечательно! И какой же гениальный план ты придумал на этот раз? Нет, молчи. Вижу, что не скажешь. Мне только непонятно — чего ты тогда такой грустный?

— Думаю: оправдывает ли цель средства?

Клавдий почесал затылок, виновато улыбаясь.

— Не знаю. А ты как думаешь? — спросил он.

— Наверное, зависит от цели и от средств. Странные мысли для полководца.

— Вот-вот. Именно что странные, — подтвердил Клавдий. — Если ты нашел способ победить в войне, то для этого любые средства должны быть хороши.

Валлмар молча передал другу флягу, хмуро взглянул на небо и кивнул. Может быть Клавдий и прав, но сам он был далеко не так уверен в своей правоте.

Вечером Валлмар, склонившись над картой, задумчиво разглядывал расставленные на ней костяные фигурки, символизирующие войска Восточного Лирина и Тхургольна. Искусно вырезанная из кости фигурка пехотинца — легионеры Германа; удалой улан, обхвативший двумя руками копье — легкая конница Клавдия; облаченный в доспехи рыцарь на коне — Флавий, Фалькор, сотни других имен. Знакомых и незнакомых ему людей.

— Дважды победил тот, кто победил самого себя, — пробормотал Валлмар, передвигая костяные фигурки. — Что же должна быть за цель, чтобы средством в ней послужили жизни твоих друзей?..

«Империя, — напомнил твердый, решительный внутренний голос. — Твой долг перед людьми. Кто я такой, чтобы брать на себя ответственность за чужую жизнь? Господь? Отнюдь — я даже не человек высокой морали и убеждений. Я пьянствовал, убивал, распутствовал и богохульствовал. А вот теперь ради исполнения долга должен погубить своих друзей...»

Он повертел в руках Германа, и поставил его в центр сражения, туда, где уцелеть было невозможно. Старик удержит позицию, наверняка погибнет, но даст им шанс победить.

«Они знали, что рискуют — они воины, и вся их жизнь — прелюдия к смерти».

— Верно, — согласился Валлмар. — Но их риск — это их риск. Не более, чем опасность для мирного человека упасть с лестницы или умереть от заразы, уколовшись о ржавый гвоздь. Я же собираюсь убить их наверняка...

«Не убить — пожертвовать ими. Во имя высшей цели...»

— Вот мы и вернулись к началу: что за цель должна быть, чтобы она могла оправдать такие средства?

«Империя. Все мы клялись умереть за нее».

Он кивнул, как будто убедив себя, поставил последнюю фигурку, приговорив к смерти еще одного друга и сотни ни в чем не повинных людей. Встал, прошелся по палатке. Жутко хотелось выпить — руки сами собой тянулись к надежно припрятанной на случай победы бутылке. Или на случай поражения. Сегодня победа будет стоить для него жизнью друзей. Валлмар хлопнул себя по руке и вышел в холодную осеннюю ночь. Нельзя. Завтра он будет биться с гольенами.

Возле палатки он наткнулся на Германа. Тот сидел у костра, вчитываясь в исписанную аккуратным почерком бумагу. Письмо. Старику часто писали из дома. Валлмар попытался незаметно обойти его стороной: не было сил говорить с тем, кого только что приговорил умереть...

— Валлмар? Это вы ходите в темноте? В следующий раз не прячьтесь — подниму тревогу, — строго сказал Герман.

— Новое письмо? — спросил генерал, входя в окружающий костер круг света.

— Да, — кивнул старик, осторожно, чтобы не помять, пряча конверт. — У Элизы родился третий сын. Странно ощущать себя дедушкой... Клавдий сказал мне, что вы нашли способ победить Тхургольн? Это правда?

— Да, — кивнул Валлмар. — Но для начала нужно победить себя самого.

— Тогда желаю удачи, — серьезно сказал Герман. — Знаете, как говорят: дважды победил тот...

— Знаю, — перебил его Валлмар. — Знаю...

«...даже слишком хорошо».

Старик еще что-то говорил о том, как вернется после войны домой, увидится с детьми и внуками, осядет где-нибудь жить, все равно где, но главное — у озера. Генерал слушал вполуха, потом поднялся, пожелал Герману спокойной ночи, вернулся к себе в палатку и переставил фишки.

«Есть битвы, в которых никому не победить, и для меня это битва с самим собой...»

— ...Не думал, что все пойдет так лихо, — пробормотал Герман, глядя, как сходятся у подножия холма два войска.

Черно-красные и золотые флаги трепетали на ветру, танцуя, сшибаясь и падая в грязь. Валлмар, вцепившись побелевшими руками в поводья, со смешанными чувствами наблюдал за ходом сражения. Сходились пехотные полки; втаптывая друг друга в грязь, мелькали уланы; надвигались тяжелые, медлительные и страшные в натиске рыцари, верхом на окованных сталью скакунах. Легкие гольенские нукеры, облаченные в кожаные доспехи. Алые плюмажи лиринцев и соколиные перья гольенов...

— Генерал, правый фланг, — воскликнул Герман, указывая на прорыв в обороне гольенов. — Нужно послать туда улан Клавдия!

— Нет, — покачал головой Валлмар. — Никто не удержит прорыв достаточно долго, чтобы дать им шанс...

«Никто, кроме тебя...»

— Они контратакуют, генерал. Вы были правы, смотрите!

Конница гольенов стремительно атаковала, сминая не успевшую перестроиться пехоту Алого Замка. Лиринцы побежали. Валлмар

равнодушно наблюдал, как рушатся таким трудом составленные планы, как рассыпаются еще недавно монолитные фаланги тяжелой пехоты...

— Демоны Юга! Они бегут, генерал! Это погром...

— Я вижу, Герман, — кивнул Валлмар. — Я... я не смог победить себя, прости меня, друг.

Герман посмотрел на него как на безумца, он хотел еще что-то сказать, но свист приближающихся стрел, залпом пущенных с позиции неприятеля, заглушил его слова. Рядом с лицом Валлмара скользнула стрела, заставив генерала зажмуриться, когда он открыл глаза, Германа уже не было рядом. Валлмар ошарашенно завертел головой: без всадника убегала лошадь старика. Он посмотрел на землю. Герман лежал на спине, глядя остекленевшими глазами в небо. В его шее торчала стрела, вошедшая по самое оперение...

Они отступали через болота, те самые, которые он миновал, возвращаясь в лагерь после своего первого поражения. Валлмар скакал впереди остатков своего войска, указывая проходимые тропы и броды среди грязевых озер и черных провалов бурлящей трясины. За ним узкой шеренгой тянулись измученные воины.

Когда ему донесли о преследующих их отрядах гольенов, Валлмар молча кивнул: перед глазами у него все еще был Герман, лежащий на земле в луже собственной крови, Клавдий, растоптанный нападающей конницей Тхургольна, мертвые Флавий и Фалькор, и тысячи других лиц и имен.

— Продолжайте двигаться по этой тропке — она выведет вас из болот, — хрипло сказал Валлмар, разворачивая коня. — Мне нужно десять добровольцев, готовых умереть за дело Лирина.

— Генерал, куда вы?! Это самоубийство! — кто-то схватил его за рукав.

Валлмар звонко рассмеялся и крикнул: «Я знаю!», устремляясь навстречу приближающемуся врагу.

Он не смог победить и теперь платил за это собственной жизнью — воистину дважды потерпел поражение тот, кто не смог победить самого себя!